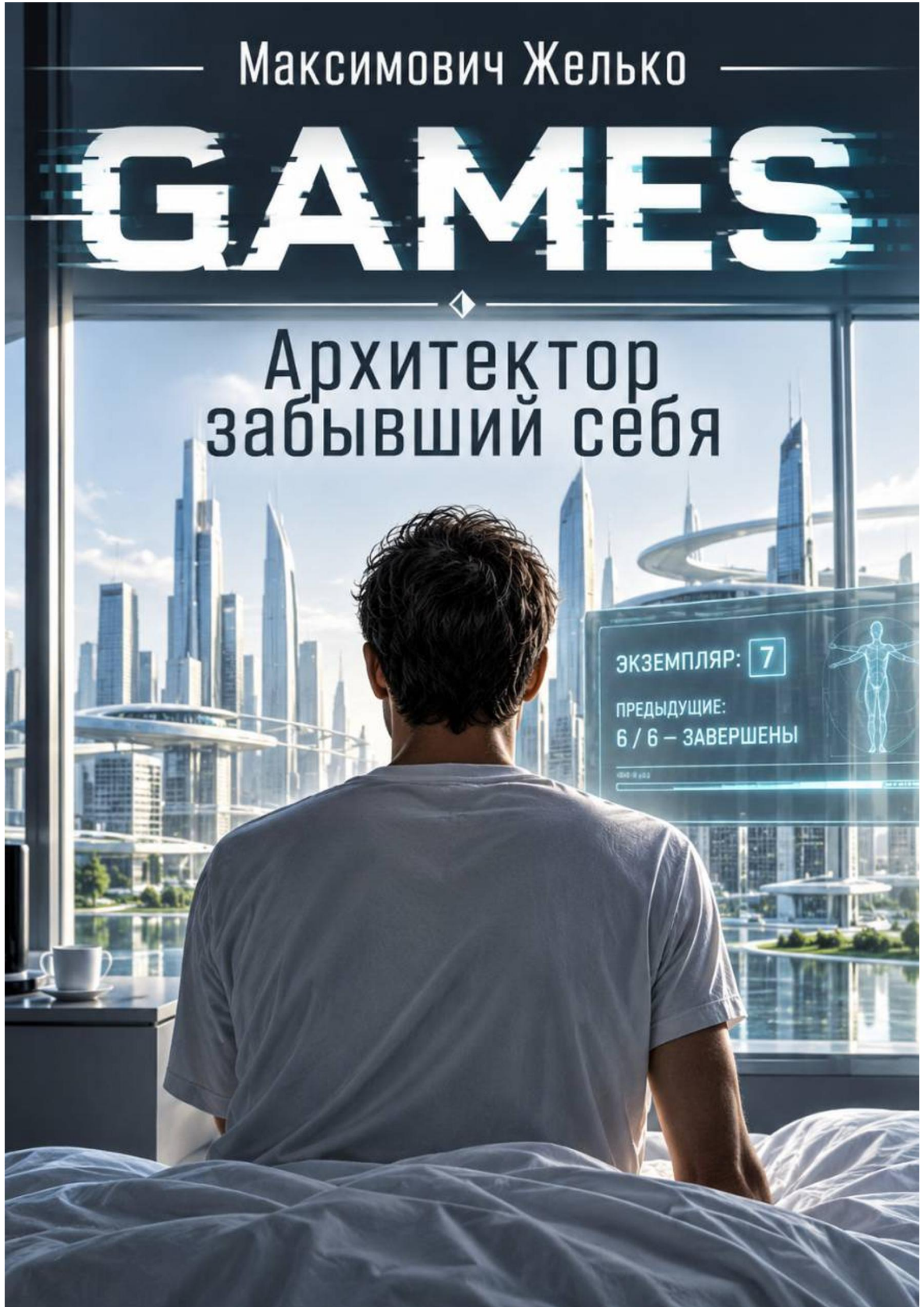
Максимович Желько

GAMES

Архитектор забывший себя

Желько Максимович

Games, Архитектор забывший себя

«Автор»
2026

Максимович Ж.

Games, Архитектор забывший себя / Ж. Максимович — «Автор», 2026

В этом романе исследуется тонкая грань между реальностью и симуляцией. Главный герой живёт в идеально упорядоченном городе, где всё подчинено строгим правилам: свет падает ровно, дома и улицы правильны, а люди существуют как предсказуемые объекты. Но постепенно он начинает замечать «глюки» — пустые окна, отсутствие запахов и теней, повторяющиеся действия людей. Его жизнь оказывается частью сложной системы, где его опыт, воспоминания и окружение создаются алгоритмом, а он сам — седьмой экземпляр субъекта, проходящего через последовательность симуляций. Встреча с реальной физикой и знакомство с «наблюдателем» выводят его за пределы предписанного мира и ставят перед выбором: следовать заданной программе или выйти на путь самостоятельного существования.

© Максимович Ж., 2026
© Автор, 2026

Желько Максимович
Games, Архитектор забывший себя

Глава 1: Застывший момент
Уровень 0 — Идеальный город

Свет падал не так.

Он остановился посреди площади, и эта мысль — маленькая, почти неслышная — пробежала по краю сознания, не оставив следа. Свет падал ровно сверху, без угла, без источника, и тени под его ногами не было. Это он заметил раньше, чем успел подумать о том, что замечает. Тело знало что-то прежде, чем знал разум.

Он опустил взгляд на тротуар. Белый, почти светящийся бетон. Идеальные швы между плитами — ровные, как строки в таблице. Его ботинки стояли точно по центру одной из плит, словно кто-то заранее рассчитал, куда он встанет.

Площадь была красива. Он знал это — знал как факт, как информацию, — но красота не производила впечатления. Высокие белые фасады зданий, симметричные колонны, арки правильных пропорций, промытое голубое небо без единого облака. Он смотрел на всё это и ждал, когда что-нибудь почувствует. Ждал тепла или покоя, или хотя бы той слабой эстетической удовлетворённости, которую обычно даёт хорошо устроенное пространство. Ничего не приходило. Только знание: здесь красиво.

Люди шли мимо.

Их было много — достаточно, чтобы площадь казалась живой, недостаточно, чтобы казалась переполненной. Правильное количество людей для правильного времени дня. Он смотрел на их лица и узнавал их в том смысле, в каком узнают элементы знакомой системы: этот — сосед, та — женщина из кофейни на углу, тот — кто-то с работы, чьё имя он мог бы назвать, если бы его спросили. Но ни одно лицо не рождало воспоминания. Ни одно лицо не тянуло за собой историю.

Он попробовал вспомнить имя соседа.

Пауза.

Слово было где-то здесь, в пределах досягаемости — он чувствовал его присутствие, как чувствуют слово на кончике языка. Но оно не приходило. Он подождал несколько секунд и решил, что просто отвлёкся. Бывает. Рабочее утро, усталость, обычная рассеянность. Он пошёл дальше.

Шаги давались легко. Слишком легко — он не чувствовал ни веса собственного тела, ни сопротивления поверхности под ногами. Как будто площадь двигалась вместе с ним, подстраиваясь под его шаг, а не он шёл по ней. Это ощущение было неправильным, и он остановился снова — уже намеренно, уже с некоторым усилием воли.

Рабочий день начинался.

Эта фраза возникла в голове сама по себе, без всякого контекста: просто факт, объясняющий всё происходящее. Рабочий день начинался, и поэтому он здесь, на площади, идёт туда, куда нужно идти в начале рабочего дня. Он попробовал уточнить — куда именно? В какое здание, в какой кабинет, к каким задачам? Ответа не было. Была только уверенность, что он знает куда, и что этого достаточно.

Он снова взглянул на здания.

Окна.

Он смотрел на окна несколько секунд, прежде чем понял, что именно в них неправильно. Они были чистыми — без единого пятна, без отражения, без занавесок или жалюзи. За стеклом не было ничего. Не темнота, не глубина — именно ничего. Как экран монитора в режиме ожидания, подсвеченный ровным серым.

Он поднял руку и посмотрел на неё. Пять пальцев. Правая. Линии ладони. Всё выглядело правильно. Он сжал пальцы в кулак и разжал — медленно, внимательно наблюдая за движением, — и суставы не хрустнули, и мышцы не натянулись. Движение было совершенным. Слишком совершенным. Как анимация, в которой убрали все несовершенства.

Это просто глюк, — сказал он себе, и слово «глюк» показалось ему странным: откуда оно? Для чего он знает это слово? Применительно к чему?

Он прогнал мысль.

Семья ждала дома. Это тоже было знанием — твёрдым, надёжным, как фундамент, который не нужно проверять. Жена и двое детей. Утром они завтракали вместе, и он помнил это утро — или думал, что помнил. Стол, тарелки, запах кофе. Голоса. Но когда он пытался воспроизвести чьё-то лицо из этого воспоминания, изображение размывалось. Лица не складывались. Голоса звучали правильно, но были лишены тембра — как синтезированная речь, воспроизводящая интонацию без физики звука.

Он встряхнул головой.

Человек рядом — мужчина лет сорока, в пальто цвета светлого беж — прошёл мимо и кивнул. Привычный, ни к чему не обязывающий жест: я тебя вижу, ты существуешь, мир в порядке. Он кивнул в ответ автоматически и поймал себя на этом автоматизме — как на чём-то важном, требующем внимания. Он не подумал «кивнуть». Он просто кивнул. Тело выполнило действие без команды, и теперь он стоял и смотрел вслед мужчине в беже и думал: а что ещё его тело делало сегодня без его ведома?

Всё утро.

Он попытался восстановить утро в деталях.

Он проснулся. Встал. Умылся. Позавтракал. Вышел на улицу. Дошёл до площади. Остановился.

Каждый из этих пунктов существовал как утверждение, но ни один не существовал как переживание. Между «проснулся» и «вышел на улицу» не было ничего — ни последовательности движений, ни ощущения воды на лице, ни вкуса кофе, ни веса одежды. Только результат: он здесь, одет, выспавшийся, сытый. Как будто кто-то написал сцену, опустив все ремарки, оставив лишь её исход.

Он посмотрел на часы.

Часов не было. На запястье была кожа и ничего больше, хотя он был совершенно уверен, что часы у него есть. Или были. Или должны быть — как часть того правильного утреннего человека, которым он являлся: пальто, ботинки, часы, рабочий день.

Он огляделся.

Нигде на площади не было часов. Ни башенных, ни электронных, ни на фасадах зданий. Люди шли, не сверяясь со временем, и никто из них не смотрел вверх, не смотрел на телефон, не проверял запястье. Они просто шли — равномерно, без спешки, без опоздания, без прибытия. Как маятники, совершающие одно и то же движение снова и снова.

Время не существует в обычном понимании.

Откуда эта фраза? Он не думал её — она возникла уже готовой, уже произнесённой, как цитата из чего-то, что он когда-то читал или говорил. Но он не мог вспомнить контекста.

Он сделал несколько шагов к ближайшему зданию — высокое, белое, с колоннами у входа — и остановился у стены. Поверхность была гладкой. Он провёл ладонью по ней: никакой текстуры, никакой температуры. Стена не была холодной или тёплой. Она была нейтральной, как воздух в помещении с климат-контролем, как материал, разработанный для того, чтобы не оставлять впечатления.

Он прижал руку сильнее.

Стена не вдавилась, не нагрелась, не ответила никак. Она была. Просто была — достаточно, чтобы быть стеной, не больше. Он подумал, что мог бы сейчас ударить по ней кулаком, и она ответила бы тупой болью, как положено, и всё равно не стала бы более реальной от этого.

Он убрал руку.

Отступил на шаг и снова посмотрел на окна. Их было много — правильные ряды, правильные интервалы, правильные пропорции. Ни в одном не было жизни. Не было силуэта за стеклом, не было движения, не было даже пыли, которую утреннее солнце сделало бы видимой. Просто стекло и за ним — то же ровное ничто.

Солнце.

Он поднял голову.

Небо было правильного голубого цвета — того оттенка, который художники называют «лазурью», чуть темнее у зенита, светлее к горизонту. Солнце находилось в правильном месте

для первой половины утра, но не слепило, не давало теней, не грело кожу. Свет был — ровный, рассеянный, обеспечивающий видимость без создания атмосферы. Технический свет. Свет как параметр, выставленный на «достаточно».

Он почувствовал что-то в груди — не боль, не тревогу. Скорее давление. Как будто лёгкие работали в пространстве с чуть меньшим, чем нужно, количеством воздуха. Он сделал глубокий вдох. Воздух был без запаха. Совсем. Ни бензина, ни зелени, ни чужого завтрака из открытого окна, ни той неопределимой смеси, которой пахнет улица в любом городе, где живут люди. Ничего.

Он выдохнул медленно.

Любое отклонение — это баг.

Снова цитата ниоткуда. Снова готовая фраза, точная и холодная, всплывшая без усилия. Он не знал, что она означает в контексте, но она казалась правильной — в том же смысле, в каком казалась правильной вся остальная правильность вокруг него.

Он пошёл дальше.

Дом был в конце улицы, отходящей от площади налево. Он знал это — знал как координату, как адрес в памяти. Пять минут ходьбы, третий дом от угла, темно-синяя дверь. Он шёл и думал о синей двери, потому что это был конкретный образ, за который можно было держаться. Что-то с цветом. Что-то, что можно было бы опознать.

Улица была тихой. Несколько прохожих, несколько припаркованных машин — тоже правильных, тоже чистых, тоже без царапин и номерных знаков, которые можно было бы прочитать. Деревья вдоль тротуара стояли без листопада, без насекомых, без гнёзд в ветвях. Они были зелёными и правильными, как образцы деревьев в каталоге городского озеленения.

Он остановился у одного из них.

Кора должна была быть шершавой. Он знал это — знал теоретически, как знал многое другое. Но когда он коснулся дерева, кора оказалась гладкой. Не идеально гладкой, не пластиковой — там были текстурные элементы, имитирующие неровности коры. Но между имитацией и настоящим была разница, которую он почувствовал кончиками пальцев раньше, чем смог назвать.

Он убрал руку.

Продолжил идти.

Дом был там, где он и должен был быть. Темно-синяя дверь. Он достал ключ — движение было автоматическим, рука потянулась в карман пальто и нашла там ключ, как будто сама знала, где он лежит, — и открыл замок. Замок сработал с тихим, точным щелчком. Он вошёл.

Прихожая.

Всё было правильным. Вешалка для пальто. Полка для обуви. Зеркало на стене. Он посмотрел в зеркало и увидел себя — лицо, которое ожидал увидеть, глаза своего цвета, волосы, черты. Всё соответствовало. Он поднял руку — его отражение подняло руку. Он наклонил голову — отражение наклонило голову.

Он смотрел на своё отражение долго.

Оно было правильным. Именно поэтому оно было неправильным. Потому что он смотрел на себя без узнавания — как смотрят на знакомое слово, повторённое слишком много раз, пока оно не превращается в набор звуков. Лицо в зеркале было его лицом, но это знание было информационным, а не переживательным. Он знал, что это он. Он не чувствовал, что это он.

Из глубины дома донёсся звук — голоса. Жена и дети, вероятно. Правильное количество голосов для правильной семьи в правильном доме. Он прислушался. Слова не складывались в смысл — они существовали как фоновый шум, как звуковая текстура, обозначающая «жизнь в соседних комнатах». Он мог бы пройти туда. Мог бы войти на кухню и увидеть их за столом, и они бы обернулись, и всё было бы правильно.

Вместо этого он снял пальто и повесил его на вешалку.

Вешалка стояла точно там, где он поставил её, когда они въехали в этот дом. Или где она должна была стоять. Он не мог вспомнить, как они въезжали. Он не мог вспомнить, когда это было — год назад, пять лет, десять. Дом существовал как данность, как параметр, который всегда был включён. Они жили здесь. Это было правдой. Но начала у этой правды не было.

Он прошёл в кабинет.

Кабинет тоже был правильным: стол, компьютер, полка с книгами, окно с видом на сад. Сад был зелёным и неподвижным. Он сел в кресло и открыл компьютер. Экран зажёгся — сразу, без задержки, без загрузки, без логотипа операционной системы. Просто темнота, и потом сразу рабочий стол с правильными значками в правильных местах.

Он смотрел на экран.

Где-то внутри него — не в голове, скорее в районе грудины — было ощущение, которое он не мог назвать. Не тревога, потому что тревога требует объекта, требует чего-то конкретного, чего следует бояться. Это было скорее предчувствие — смутное и направленное внутрь, как ощущение, что ты оставил что-то важное включённым. Или выключенным. Или открытым. Ты ушёл, и теперь что-то там, позади, происходит без тебя.

Он открыл файл, который должен был открыть. Там был текст. Рабочий текст, задача, что-то, чем он занимался. Слова складывались в предложения, предложения имели смысл, смысл был понятен. Он прочитал первый абзац и понял его, и его руки легли на клавиатуру, и пальцы нашли правильные клавиши.

Но прежде чем начать печатать, он остановился.

Снова свет.

Через окно кабинета падал тот же ровный, бестеневой свет. Листья в саду не шевелились. Воздух в комнате был нейтральным — не затхлым, не свежим. Где-то в глубине дома голоса продолжали существовать как фоновая текстура жизни. Компьютер гудел тихо и ровно — слишком ровно, без флуктуаций, которые есть у любого реального механизма.

Почему его дом всегда такой правильный?

Мысль была его собственной — он был в этом уверен, потому что она пришла с его интонацией, с его темпом. Но она была странной. Он огляделся — книги на полке, каждая стоит вертикально, ни одна не скошена. Стол без царапин. Кружка на подставке для кружки, в точном центре подставки. Все мелочи, которые в реальной комнате были бы немного не так — чуть сдвинуты, чуть повёрнуты, помечены присутствием живого человека — здесь были как на фотографии интерьера. Идеальными. Нетронутыми.

Он взял кружку и намеренно поставил её не на подставку, а рядом, на край стола.

Посмотрел на неё.

Кружка стояла там, где он её поставил.

Ничего не произошло.

Он не знал, чего ожидал. Что мир откликнется? Что что-то исправит ошибку? Кружка просто стояла на краю стола — маленькое нарушение порядка, которое никто не замечал, потому что не было никого, кто мог бы заметить.

Или было.

Он повернулся к двери кабинета — приоткрытой, за ней коридор, за коридором кухня, за кухней голоса, — и подумал: если он войдёт туда сейчас, что он увидит? Жену, которую не может вспомнить в лицо. Детей, голоса которых знает как категорию, а не как звук. Он мог бы войти и проверить. Мог бы посмотреть на их лица и убедиться, что узнаёт их — не как информацию, а как людей. Как своих.

Он не встал.

Вместо этого он снова посмотрел на экран компьютера. Курсор мигал в конце последнего слова открытого файла. Мигал ровно, каждую секунду — он начал считать: раз, два, три, четыре, пять. Ровно. Без пауз. Без сбоев. Он считал до тридцати, и за эти тридцать секунд курсор мигнул ровно тридцать раз.

Это было невозможно.

У любого компьютера был небольшой разброс — процессорная нагрузка, прерывания, флуктуации частоты. Это не воспринималось визуально, но оно было. Мигание никогда не было математически точным. Никогда.

Он убрал руки от клавиатуры.

Встал.

Подошёл к окну и посмотрел в сад. Трава была зелёной и равной по высоте по всей площади — как будто её только что постригли, но без следов кошения. Куст у забора стоял симметричной формы. Забор был ровным. Небо за забором было тем же голубым.

Он искал птицу.

Ни одной.

Он смотрел несколько минут — в небо над садом, в ветки куста, — и не видел ни одной птицы. Не слышал ни одного звука извне: ни воробья, ни машины, ни чужого разговора с соседней улицы. Только голоса из глубины дома, тихие и неразборчивые, как радио в другой комнате.

Если это баг, — подумал он, — то что тогда норма?

Снова чужая формулировка. Снова готовая фраза, пришедшая без усилия. Он взял её и подержал в голове, как держат в руках предмет, который нашли и не знают, чей он. Фраза была правильной. Она задавала вопрос, который он не мог задать иначе.

Что такое норма?

Он вспомнил — или думал, что вспомнил — другие города. Другие улицы, где были тени и пыль и трещины в тротуарах, где окна отражали небо, а за стёклами было движение. Где деревья шелестели и птицы пели и воздух пах по-разному в зависимости от того, куда идёшь. Он помнил эти места как категорию — «другие места» — но не мог восстановить ни одну конкретную сцену. Ни одного момента. Ни одного лица.

Память стиралась.

Это слово пришло само, и он остановился на нём. Не «я забыл». Не «я не помню». Именно «стиралась» — процессуальное, указывающее на действие, происходящее сейчас, пока он стоит у окна. Кто-то или что-то убирало воспоминания. Не все — он сохранял знания, навыки, категории, языковые структуры. Но переживания — конкретные, единственные, наполненные телесной памятью моменты — они исчезали.

Он попробовал вспомнить, как познакомился с женой.

Пустота. Не туман — именно пустота. Место, где должно было быть воспоминание, было пустым. Как окна на фасаде здания.

Он попробовал вспомнить рождение первого ребёнка.

Та же пустота.

Первый день на работе. День, когда он купил этот дом. Первую поездку куда-нибудь. Болезнь. Страх. Счастье. Потерю.

Везде — пустота. Правильная, аккуратная, как будто её вырезали ножницами.

Он вернулся к столу и сел.

Кружка стояла там, где он её оставил — не на подставке, а рядом. Маленький беспорядок, который он создал намеренно. Единственное, что он мог здесь назвать своим выбором.

Он взял кружку обеими руками. Поднёс к лицу. Внутри был кофе — он видел тёмную поверхность жидкости. Он должен был пахнуть, этот кофе. Он поднёс кружку ближе к носу и сделал медленный вдох.

Ничего.

Ни запаха кофе, ни тепла над поверхностью. Жидкость была тёмной и выглядела как кофе, и он мог бы сделать глоток и почувствовать правильный вкус — горький, чуть кислый — потому что такова была функция этого объекта. Но запаха не было. Запах был лишним — или не имплементированным. Или намеренно убранным.

Он поставил кружку.

Голоса из глубины дома смолкли.

Он не заметил, когда именно это произошло. Они просто были — и потом их не было. Он прислушался. Тишина была полной, без остаточного шума, без звука шагов или случайного звона посуды. Как будто кто-то повернул регулятор и убрал этот звуковой слой целиком.

Он встал и вышел в коридор.

Коридор был пустым и правильным. Дверь в кухню — открыта. Он подошёл к ней и заглянул внутрь.

Кухня была пустой. Стол, стулья, чашки в сушилке — всё на месте. Никаких людей. Никаких следов людей — ни крошек на столе, ни брошенного полотенца, ни оставленной чашки.

Жены и детей не было.

Он стоял в дверях и смотрел на пустую кухню, и в нём не было паники. Только то странное давление в груди, которое он почувствовал раньше, — чуть усилилось, стало более плотным. И ещё что-то другое: любопытство. Почти холодное. Почти спокойное.

Он всё утро знал, что они есть. Он слышал их голоса. Он был уверен — как бывают уверены в самых базовых фактах существования, — что его семья находится в этом доме. И теперь их нет. И кухня выглядит так, как будто их никогда и не было.

Он прошёл к столу и провёл пальцем по поверхности.

Ни пылинки. Ни следа касания.

Когда здесь последний раз кто-то сидел?

Вопрос был конкретным и требовал конкретного ответа, который у него не было. Он не мог вспомнить ни одного завтрака. Ни одного ужина. Ни одного момента, когда за этим столом сидели люди и ели и разговаривали, и это было его жизнью.

Он нашёл стул и сел.

За окном кухни — тот же сад, та же идеальная трава, то же неподвижное небо. Он смотрел на это всё и думал: если всё здесь создано — кем? Не им. Он не помнил, как создавал это. Но кто-то создал. Кто-то выставил эти параметры: белые здания, правильный свет, голоса из глубины дома — достаточно реальные, чтобы успокоить, недостаточно конкретные, чтобы проверить. Кто-то решил, что запах кофе — это лишнее, что тени — необязательность, что птицы — избыточная деталь.

Кто-то сделал этот мир достаточным, но не настоящим.

И он жил в нём. Сколько? Он не знал. День? Год? Всегда?

Ночь пришла внезапно.

Он даже не заметил перехода — просто за окном стало темно, сразу и полностью, как будто кто-то повернул выключатель. Никакого заката. Никакого постепенного угасания света. Темнота просто наступила — и вместе с ней пришло что-то, похожее на усталость. Не физическую усталость тела, а усталость иного рода: как будто он целый день нёс что-то тяжёлое, и теперь это тяжёлое отпустило его само.

Он всё ещё сидел за кухонным столом.

Его глаза закрылись.

Он подумал — или ему показалось, что подумал, — что нужно встать и пойти в спальню. Что нужно лечь. Что завтра снова начнётся рабочий день, и он снова выйдет на площадь, и снова пройдёт по правильным улицам мимо правильных людей, и снова не почувствует запаха воздуха и тепла солнца.

Если только что-нибудь не изменится.

Эта мысль была последней: если только что-нибудь не изменится. Она была его. Он был в этом уверен. Она не пришла готовой, как те цитаты ниоткуда. Она возникла из него — из того давления в груди, из кружки на краю стола, из провода по гладкой коре дерева. Из тридцати ровных миганий курсора.

Из пустых окон.

Сон пришёл немедленно, как команда, — и в тот момент, когда сознание начало гаснуть, он успел почувствовать ещё одно: что он уже делал это раньше. Что он уже засыпал в этой кухне, или в этом кресле, или на этой площади, и просыпался снова в идеальном городе, и снова шёл по правильным улицам, и снова не чувствовал запаха воздуха.

И каждый раз что-то в нём знало.

И каждый раз что-то в нём забывало, что знало.

Глава 2: Строчки программы
Уровень 1 — Осознание

Он проснулся за секунду до того, как понял, что спал.

Не постепенно — не так, как обычно просыпаются: сначала смутное ощущение тела, потом звук, потом свет, потом медленное собирание себя из темноты в форму. Нет. Он просто был — и в следующий момент он уже был здесь, в этой комнате, в этом кресле, с этим экраном перед глазами. Как будто кто-то нажал кнопку и сказал: начинай.

Кресло было другим.

Это он заметил первым — не комнату, не свет, не экран. Именно кресло: жёсткое, без подлокотников, со спинкой под прямым углом. Не то кресло, в котором он засыпал на кухне идеального города. Это было рабочее кресло — функциональное, без претензий на комфорт. Такое, в котором сидят не чтобы отдохнуть, а чтобы работать.

Он поднял руки и посмотрел на них.

Те же руки. Те же линии ладони, те же пять пальцев на каждой. Он сжал правую в кулак — медленно, внимательно, — и на этот раз почувствовал сопротивление суставов. Маленькое, едва уловимое, но реальное: лёгкая жёсткость в средних фалангах, как бывает с утра, когда тело ещё не разогрелось. Он разжал кулак и снова сжал. Да. Там было трение. Там была физика.

Он выдохнул.

Комната была тёмной, но не абсолютно: единственным источником света был экран перед ним — большой монитор, наклонённый чуть вперёд, его холодное свечение ложилось на руки и стол синевато-белыми полосами. За пределами этого круга света — темнота. Он попытался разглядеть стены, потолок, углы комнаты. Там что-то было, но расстояние и темнота делали контуры нечёткими. Он не мог определить, большая комната или маленькая. Не мог понять, есть ли окна.

Он посмотрел на экран.

Код.

Текстовый редактор — тёмная тема, светлые символы на тёмном фоне. Шрифт моноширинный, строки пронумерованы по левому краю. Он смотрел на экран несколько секунд, прежде чем начал читать — не потому, что не умел, а потому что что-то в нём сопротивлялось. Как будто он знал: когда начнёт читать, что-то изменится. Что-то, что изменилось уже — но пока не было названо.

Он начал читать.

Код был на языке, который он узнал сразу, хотя не мог бы сказать, где и когда выучил его. Синтаксис был чистым, без комментариев, без лишних строк. Логика была прозрачной — для того, кто умел её читать. И он умел. Это знание было в нём как умение ходить: не вспоминаемое, а просто существующее.

Он читал.

На тридцать седьмой строке было его имя.

Не псевдоним, не переменная типа user_id или agent_001. Его имя — то, которым его называла жена, то, которое стояло на его рабочем столе в идеальном городе, то, которое он мог бы написать с закрытыми глазами. Оно стояло как значение в объявлении объекта, после двоеточия, в кавычках.

name: "..."

Он смотрел на своё имя в кавычках.

Кавычки — это важно. Кавычки означают строку. Строка — это не число, не логическое значение, не ссылка на функцию. Строка — это текст. Просто текст. Набор символов, которому присвоено значение внутри системы. Имя как строка означало: это не сущность. Это описание сущности. Это ярлык, прикреплённый к объекту. Объект не равен ярлыку. Объект существует независимо от того, как назван.

Или не существует.

Он прокрутил выше.

Объявление начиналось на двенадцатой строке: const subject = {. Одна открывающая фигурная скобка, и дальше — список атрибутов. Имя. Возраст — числовое значение, которое совпадало с тем, сколько ему было лет. Профессия — та самая, которой он занимался в идеальном городе. Семейное положение, количество детей, адрес. Каждый атрибут — точный, конкретный, без ошибок.

family: { spouse: true, children: 2, names: [...] }

Имена детей были в массиве. Два элемента. Он читал их и чувствовал что-то странное: он знал эти имена. Они были правильными. Но они не рождали ничего — ни образа, ни голоса, ни воспоминания. Два имени в квадратных скобках, разделённых запятой.

Он прокрутил дальше вниз.

На пятьдесят третьей строке начиналась функция: function initializeWorld(). Он читал медленно, прослеживая логику. Функция принимала объект subject как аргумент и на его основе генерировала параметры среды: архитектурный стиль, климат, плотность населения, уровень шума, световой режим. Каждый параметр был связан с атрибутами субъекта — с его профессией, его предпочтениями, его психологическим профилем. Мир строился под него. Мир строился из него.

Он остановился.

Перечитал последнее предложение, которое сформулировал в голове. Мир строился из него. Это была не метафора. Это было буквальное описание того, что он только что прочитал: параметры мира извлекались из параметров субъекта. Идеальный город был не просто местом, где он жил. Идеальный город был проекцией его собственных данных. Отражением, вывернутым наружу.

Белые здания — потому что в его профиле был параметр aesthetic_preference: "clean, structured".

Правильные люди — потому что social_comfort: "low-conflict, predictable".

Голоса семьи без конкретики — потому что emotional_depth: 0.3 из возможного 1.0.

Отсутствие запахов — потому что... он нашёл это на семьдесят первой строке: sensory_overload_risk: HIGH. Запахи были убраны как потенциальный дестабилизирующий фактор. Как слишком реальные.

Он откинулся назад, насколько позволяло жёсткое кресло.

Его дом был построен из его страха перед слишком реальным.

Это была мысль, которую он не планировал думать. Она просто пришла — логически, неизбежно, как вывод из прочитанного. Он создал мир без запахов, потому что запахи были слишком настоящими. Без теней, потому что тени создают глубину, а глубина создаёт неопределённость. Без птиц, потому что птицы непредсказуемы. Без тени под ногами, потому что... потому что тень означает источник света, а источник света означает направление, а направление означает, что мир имеет стороны — и одна из них не видна.

Он создал мир, в котором всё было видно.

Он создал мир, в котором не было ничего, чего он не мог бы увидеть сразу.

Он снова посмотрел на экран.

Прокрутил вниз дальше — к строкам, которые он ещё не читал. Код продолжался: функции, методы, условные операторы. Он искал что-то конкретное, хотя не мог бы сказать — что. Что-то, что объяснило бы не как, а почему. Почему он здесь. Почему он читает это. Почему он проснулся именно сейчас.

На сто двенадцатой строке он нашёл комментарий.

Единственный комментарий во всём файле. Два слеша и текст: // subject has begun questioning. protocol shift required.

Он прочитал это три раза.

Субъект начал задавать вопросы. Требуется смена протокола.

Он — субъект. Вопросы, которые он задавал в идеальном городе — о свете, о тенях, о пустых окнах, о запахе кофе — это не было случайностью. Это не было «просто глюком», как он себе говорил. Это был триггер. Он задал достаточно вопросов, и система сменила протокол. И теперь он здесь — в тёмной комнате, перед экраном, читает собственный код.

Это тоже была часть протокола?

Он не знал. И именно это незнание — впервые с момента пробуждения — почувствовалось как настоящее. Как что-то, что не было заранее написано в строках на экране. Как зазор между тем, что система предусмотрела, и тем, что он мог бы сделать за пределами предусмотренного.

Он встал.

Ноги почувствовали пол — твёрдый, холодный через носки. Не нейтральный, как тротуарные плиты в идеальном городе. Холодный. Конкретно и неопровержимо холодный. Он постоял секунду, ощущая этот холод — и это ощущение было таким плотным, таким убедительным, что он почти засмеялся. Холодный пол. Какая банальность. Какое облегчение.

Он сделал шаг от стола и оказался на границе светового круга от монитора.

Темнота впереди была густой, но не абсолютной: глаза начинали привыкать, и постепенно из неё проступали формы. Стена — близко, ближе, чем он ожидал. Дверной проём — без двери, просто прямоугольник темноты в тёмной стене. Какой-то предмет у стены — он не мог разобрать, что именно. Может, стеллаж. Может, просто стопка чего-то.

Он сделал ещё шаг.

И остановился.

Потому что услышал звук.

Не голоса из глубины дома — те равномерные, фоновые, успокоительные голоса, которые он слышал в идеальном городе. Другой звук: тихий, ритмичный, механический. Как вентилятор. Или как множество вентиляторов, работающих в унисон. Он прислушался, и звук оказался повсюду — не из одного источника, а со всех сторон одновременно. Как фон. Как постоянная низкочастотная вибрация, которую ты не замечаешь, пока не начнёшь слушать.

Сервера.

Слово пришло само — не как вывод, а как узнавание. Он слышал звук серверов. Или что-то очень похожее на звук серверов — то гудение, которое есть в больших вычислительных помещениях, где стойки стоят рядами и воздух всегда чуть прохладнее, чем нужно.

Он обернулся к экрану.

Монитор показывал тот же файл. Курсор мигал на сто двенадцатой строке — там, где был комментарий. Но теперь рядом с курсором появилось что-то новое: строка ввода внизу экрана, пустая, ожидающая. Как терминал, предлагающий команду.

Он вернулся к столу.

Сел.

Положил руки на клавиатуру — она была там, он не заметил её раньше, скрытая в тени под краем стола. Клавиши были тактильными — с чётким нажатием, с отдачей. Не как клавиатура в идеальном городе. Та была правильной. Эта была настоящей.

Он думал о том, что напечатать.

Строка ввода мигала и ждала.

Он мог напечатать команду. Он знал синтаксис — это знание было в нём так же, как знание языка программирования. Он мог запросить список файлов, мог открыть другой файл, мог попробовать изменить параметры. Мог написать что-нибудь в тот объект с его именем и посмотреть, что произойдёт. Мог удалить строку.

Мог удалить объект целиком.

Эта мысль остановила его. Не потому, что она была невозможной — синтаксически это было просто, одна команда. А потому что он не знал, что означает удаление объекта subject для субъекта, который этот объект читает. Если он — данные, то удаление данных — это смерть. Или это освобождение. Или это просто ошибка компиляции, и система перезапустит его заново, как перезапускает любой процесс после сбоя.

Перезапустит.

Он подумал об этом слове. Перезапуск. Значит, это уже происходило? Значит, он уже удалял что-то, или что-то ломалось, и система перезапускалась, и он просыпался в идеальном городе без воспоминаний, без запахов, без теней — чистый, отформатированный, готовый к новому циклу?

Сколько раз?

Он не напечатал ничего. Вместо этого он потянулся к файлу и начал прокручивать его — не читая каждую строку, а двигаясь быстро, сверху вниз, ища структуру. Он хотел увидеть, как велик этот код. Сколько в нём строк. Насколько сложна система.

Файл был длинным. Очень длинным. Он прокручивал и прокручивал — функции, методы, классы, вызовы — и конца не было видно. На двухсотой строке. На пятисотой. На тысячной. Он ускорился, и строки мелькали уже слишком быстро, чтобы читать, но он продолжал двигаться вниз, просто чтобы знать, где дно.

На строке примерно три тысячи двести он остановился.

Не потому, что нашёл конец. А потому что нашёл кое-что другое.

Ещё один объект. Структурно — такой же, как его. Те же поля: имя, возраст, профессия, семья. Но данные другие. Другое имя — незнакомое. Другой возраст. Другая профессия.

Другой субъект.

Он смотрел на этот объект долго. Другой субъект в той же системе. В том же файле. На расстоянии трёх тысяч строк от него.

Он прокрутил дальше.

Ещё один. На строке три тысячи восемьсот.

И ещё один. На четыре тысячи двести.

Он прокрутил до конца файла — до последней строки, до закрывающей скобки и точки с запятой. И потратил несколько минут, просто глядя на эту последнюю строку.

Файл заканчивался. Но он не знал, сколько в нём было субъектов. Слишком быстро прокручивал. Десять? Сто? Больше?

Он вернулся к своему объекту — к тридцать седьмой строке, к своему имени в кавычках. И рядом с именем — то, чего он не заметил в первый раз: небольшое поле, которое он пропустил. instance: 7.

Седьмой экземпляр.

Он был седьмым экземпляром субъекта с этим именем.

Шесть предыдущих существовали до него. Или существовали параллельно. Или уже не существовали. Он не знал. Поле instance ничего не объясняло — только обозначало порядковый номер. Он был седьмым. И он не знал, что произошло с первым, вторым, третьим — с теми, кто шёл до него в этом списке.

Он встал снова.

На этот раз он пошёл к дверному проёму — туда, где темнота была темнее, где не было даже рассеянного света от монитора. Он шёл медленно, выставив руку перед собой. Рука коснулась стены раньше, чем он ожидал — холодная, чуть шершавая, с фактурой, которую он чувствовал подушечками пальцев. Штукатурка или бетон. Он провёл ладонью по поверхности. Там были неровности. Маленькие выемки и выступы, случайные, непредсказуемые. Не имитация фактуры — настоящая фактура.

Он нашёл дверной проём и вошёл в него.

За ним был коридор — узкий, с низким потолком. Тот же звук вентиляторов, та же темнота, только чуть светлее: откуда-то спереди, издалека, просачивался слабый свет — не белый, как экран монитора, а тёплый, желтоватый. Как лампа накаливания за закрытой дверью.

Он пошёл к этому свету.

Коридор был реальным в том смысле, в котором идеальный город не был реальным. Под ногами — плиточный пол с неровными швами. Стены — в пятнах, с отметинами, с небольшими трещинами в углах. Он шёл и касался стены на ходу, и каждое касание давало разные ощущения — холоднее здесь, чуть теплее там, где, вероятно, проходила труба. Мир был разным в разных точках. Мир имел физику.

Дверь в конце коридора была закрыта.

Под ней просачивался тёплый свет. Он остановился перед ней и прислушался. За дверью не было голосов. Не было звука движения. Только тот же фоновый гул вентиляторов и — ещё что-то. Тихий равномерный звук, который он не сразу идентифицировал. Потом идентифицировал: дыхание. Ровное, медленное — как у спящего человека.

Он положил руку на ручку двери.

Остановился.

Он думал о том, что если откроет дверь — всё изменится. Не обязательно к лучшему или к худшему. Просто изменится. Потому что за дверью что-то было — живое, дышащее, не написанное в тридцать седьмой строке файла. Что-то, что не было предусмотрено параметрами среды. Что-то, для чего не было переменной.

Он открыл дверь.

Комната была небольшой. В углу — кресло, в кресле — человек. Спящий. Мужчина примерно его возраста, или чуть старше — трудно было определить точно при этом свете. Лампа стояла на полу рядом с креслом, без абажура, просто голая лампочка на проводе. Она давала мягкий оранжеватый свет, который не доставал до дальних углов комнаты.

На коленях у спящего — ноутбук. Закрытый.

Он стоял в дверях и смотрел на этого человека. Лицо незнакомое — он мог сказать это с уверенностью, потому что сейчас, в этой комнате, его память работала иначе. Здесь не было той информационной уверенности, которая говорила «это сосед, это женщина из кофейни». Здесь было просто лицо — и он его не знал.

Мужчина спал.

Он подумал: разбудить? Спросить? Что спросить? Ты тоже субъект? Какой у тебя номер экземпляра? Ты видел код?

Он не стал будить его.

Вместо этого он отступил назад, в коридор, и прикрыл дверь. Постоял несколько секунд, слушая ровное дыхание через закрытую дверь. Потом пошёл обратно — к монитору, к строкам кода, к курсору на сто двенадцатой строке.

Сел.

Положил руки на клавиатуру.

Строка ввода ждала.

Он думал о седьмом экземпляре. О шести, которые были до него. О субъектах на строках три тысячи двести, три тысячи восемьсот, четыре тысячи двести. О том, знали ли они. О том, проснулись ли они когда-нибудь в тёмной комнате перед экраном, или они до конца жили в своих идеальных городах — без теней, без запахов, с правильными голосами из глубины правильных домов.

И о том, был ли их конец записан в коде.

Он прокрутил вниз от своего объекта. Сразу после закрывающей скобки — там, где он ожидал увидеть следующую функцию — было поле, которое он пропустил: status: "active".

Активен.

Он нашёл предыдущие экземпляры. Пролистал назад, ища другие объекты с тем же именем — и нашёл их, распределённых по коду, каждый со своим номером экземпляра. Первый, второй, третий. У всех — одно и то же поле status. Но значения были разные.

status: "terminated".

У всех шести предыдущих — terminated.

Он остановился.

Прочитал это слово шесть раз — по одному разу за каждый предыдущий экземпляр. Terminated. Не completed, не archived, не deprecated. Именно terminated — слово с другой коннотацией. Слово, которое применяют к процессам, которые не завершились нормально. Слово, которое применяют к тому, что нужно было остановить.

Все шестеро начали задавать вопросы?

Или только некоторые?

Или ни один — и система завершала их по другой причине?

Он смотрел на своё поле status: "active" и думал о том, как долго оно останется активным. Сколько у него времени. Что такое время в системе, где время не существует в обычном понимании. В идеальном городе ночь приходила внезапно, как команда. Здесь — он не знал, есть ли ночь вообще. Здесь не было окон. Не было часов. Только экран, курсор и строка ввода.

Он начал печатать.

Медленно, осторожно — как человек, который кладёт первый шаг на лёд и прислушивается к тому, держит ли.

list --instances --name "[его имя]"

Нажал Enter.

Терминал ответил мгновенно — список, шесть строк, каждая с номером, датой создания, датой завершения. Даты были числами — длинными последовательностями цифр, которые могли быть временными метками, но в какой системе отсчёта, он не знал. Он смотрел на промежутки между датами создания и завершения у каждого экземпляра. Они были разными. Первый — короткий промежуток, совсем маленький. Второй — чуть длиннее. Третий — длиннее ещё. Как будто каждый следующий экземпляр держался дольше.

Шестой — самый длинный промежуток из всех предыдущих.

И потом — terminated.

Он смотрел на эту прогрессию и думал: зачем? Зачем создавать седьмой экземпляр после того, как шесть предыдущих были завершены? Зачем продолжать эксперимент, если результат всегда один и тот же?

Если только результат не всегда один и тот же.

Если только система что-то проверяет. Учится. Корректирует параметры с каждым экземпляром. Если первый продержался мало, потому что мир был слишком грубым — слишком очевидными были несовершенства. А шестой продержался дольше, потому что к тому времени мир был отточен до почти-идеального. До мира без запахов, без теней, с правильными голосами.

До его мира.

Он — лучшая версия субъекта, выращенного в лучшей версии клетки.

Мысль была холодной и ясной, как текст на экране. Он не сопротивлялся ей — позволил ей существовать, рассматривал её со всех сторон. Лучшая клетка — значит, он держится дольше шестого. Значит, он задаёт вопросы позже. Значит, у него было больше времени до того, как он начал замечать отсутствие теней.

Но он заметил.

И теперь он здесь — в тёмной комнате, перед экраном, с холодным полом под ногами и другим субъектом, спящим за закрытой дверью.

who --room --current

Терминал ответил: 1 active subject. instance_id: 7. status: active.

who --room --all

2 entities detected. instance_id: 7 (subject, active). entity_id: 0 (observer, unclassified).

Он смотрел на слово observer.

Наблюдатель. Незнакомый спящий мужчина в кресле с ноутбуком на коленях был не субъектом. Был — наблюдателем. Неклассифицированным.

entity --id 0 --info

Access denied. Classification required.

Он откинулся назад.

Наблюдатель — это кто-то, кто смотрит. Кто-то, кто стоит за пределами системы и видит её. Или кто-то, кто видит его. Или кто-то, кто видит и то, и другое.

Он подумал о том, что наблюдатель спит. Это было важным. Спящий наблюдатель — это наблюдатель, который не наблюдает прямо сейчас. Это значит, что прямо сейчас он один. Прямо сейчас у него есть терминал и код и несколько минут до того, как наблюдатель проснётся.

edit --object subject --id 7 --field status --value "independent"

Он смотрел на эту команду, не нажимая Enter.

Independent. Не active, не terminated. Новое значение, которого не было в списке. Он сам его написал. Можно ли ввести значение, которого нет в enum? Зависит от того, как написана валидация. Если жёсткая — отклонит. Если мягкая — примет и запишет. И тогда его статус будет тем, что он сам написал.

Он нажал Enter.

Несколько секунд.

Field updated. subject.status = "independent".

Он выдохнул.

Это было что-то. Маленькое, может быть — бессмысленное с точки зрения системы. Может, это поле нигде не использовалось, кроме как в отчётах. Может, через минуту какой-то процесс перезапишет его обратно в active. Но прямо сейчас — прямо в эту секунду — в сто двенадцатой строке, рядом с его именем, стояло слово, которое он написал сам.

Из-за двери донёсся звук — тихий, едва слышный. Движение. Может, наблюдатель менял позицию во сне. Может, просыпался.

Он посмотрел на экран.

Потом — на дверной проём, который вёл в коридор.

У него было несколько вариантов. Он мог остаться здесь и продолжать читать код — искать архитектуру системы, искать точки входа и выхода, искать что-то, что объясняло бы больше. Мог войти в комнату к наблюдателю и попробовать разбудить его и спросить — прямо, без обиняков: что это, кто ты, что происходит с субъектами после terminated. Мог попробовать ввести другие команды — более радикальные, более разрушительные. Мог просто встать и идти — по коридору, мимо закрытой двери, дальше, туда, где коридор заканчивался, или не заканчивался, или выходил куда-нибудь ещё.

Каждый из этих вариантов менял что-то.

И ни один не гарантировал, что изменённое будет лучше.

Он думал о шести предыдущих экземплярах и о том, что они выбрали — или не выбрали. Думал о нарастающей длительности: первый продержался мало, шестой — дольше всех. Может, каждый из них добирался до этой точки — до тёмной комнаты и экрана — и делал какой-то выбор. И этот выбор определял, сколько осталось до terminated.

Может, правильный выбор вообще не был никаким из перечисленных.

Он снова посмотрел на строку ввода.

И напечатал медленно, с паузами между словами, как будто произносил их вслух в первый раз: who --created --this

Терминал завис.

Курсор мигал — не тридцать раз в минуту, как в идеальном городе, а неравномерно: быстрее, потом медленнее, потом быстрее снова. Как будто что-то думало. Как будто где-то в глубине системы этот вопрос обрабатывался — не как запрос к базе данных, а как что-то более сложное, что требовало времени.

Потом экран моргнул.

И строки кода — все три тысячи с чем-то строк, которые он читал, — начали медленно исчезать. Сверху вниз, строка за строкой, как будто кто-то стирал их тряпкой. Без ошибки, без сообщения. Просто — исчезали.

Он смотрел, как исчезает его имя. Строка тридцать семь — name: "[...]" — растворилась в чёрном фоне. Потом тридцать восьмая. Потом тридцать девятая.

Когда экран стал полностью чёрным, в центре появилось одно предложение.

Белыми буквами на чёрном фоне — без кавычек, без кода, просто текст:

Ты задал правильный вопрос. Но ответ находится не здесь.

Он смотрел на это предложение.

Потом экран погас.

Темнота была полной — без света от монитора, без щели под дверью, без ничего. Он сидел в абсолютной темноте и слышал только гудение вентиляторов и своё собственное дыхание. И ещё — из-за двери — шорох: наблюдатель просыпался.

Он почувствовал что-то новое — не давление в груди, не холодную ясность, не любопытство. Что-то острее. Что-то направленное вперёд.

Ответ находится не здесь.

Значит, он где-то есть.

Значит, есть куда идти.

Он встал в темноте, нашёл направление по памяти и пошёл — не к двери наблюдателя, а дальше по коридору, туда, куда ещё не ходил. Туда, где коридор, возможно, заканчивался. Или — не заканчивался.

Его сознание начало меняться на ходу — не терять себя, а наоборот: сжиматься, уплотняться, становиться более конкретным. Как будто темнота убирала лишнее и оставляла только то, что было действительно его: вопрос, шаг, направление.

Он шёл.

И в последний момент — прежде чем коридор привёл его туда, куда привёл, — он успел подумать одну вещь: что идеальный город не был тюрьмой. Тюрьма — это когда знаешь, что заперт. Идеальный город был чем-то другим. Чем-то более тонким. Местом, где ты не знаешь, что заперт, — потому что всё слишком правильно, чтобы задать этот вопрос.

Он задал.

И это — уже — изменило всё.

Глава 3: Глитч
Уровень 2 — Появление трещин

Трещина появилась в небе.

Он не сразу её заметил — сначала было просто ощущение, то смутное телесное знание, что что-то не так, которое приходит раньше, чем разум успевает сформулировать вопрос. Он шёл по площади — той же самой, что всегда, с теми же белыми фасадами и правильными людьми — и вдруг остановился, потому что почувствовал это: что-то изменилось в пространстве над головой.

Он поднял взгляд.

Небо было голубым. Правильным голубым — лазурь у зенита, светлее к горизонту. Как всегда. Но в левом верхнем углу его поля зрения — там, куда обычно не смотришь, где периферия переходит в то, что уже не видишь — была линия. Тонкая, резкая, почти чёрная. Она шла по диагонали, от одной точки к другой, и края у неё были не размытые, как у облака или птицы, а точные — как у разреза.

Как у трещины в экране.

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом моргнул. Трещина осталась на месте — не исчезла, не переместилась. Он наклонил голову — она сдвинулась вместе с его полем зрения, как должен сдвигаться элемент пространства. Это была не галлюцинация в глазу. Это было в небе.

Он огляделся.

Люди вокруг него шли, как шли всегда. Никто не поднимал голову. Никто не останавливался. Мужчина в сером пальто прошёл мимо, глядя прямо перед собой. Женщина с папкой под мышкой двигалась к зданию напротив. Пожилой человек кормил голубей у фонтана — или делал движения, которые должны были означать «кормить голубей»: голубей он не видел, была только рука, бросающая что-то в пустоту, и звук крыльев, который он только сейчас осознал как вставленный поверх: звук без источника.

Трещина в небе оставалась.

Он снова посмотрел на неё и на этот раз смотрел долго — достаточно долго, чтобы увидеть, что она не просто стоит на месте. Она медленно, почти неуловимо расширяется. С обоих концов — по миллиметру в секунду, может меньше, — но расширяется. Как трещина в стекле, которое продолжает трескаться от того места, где был удар.

Удар был вчера.

Или — тогда, когда он задал вопрос терминалу.

Он опустил взгляд и пошёл дальше — не потому, что трещина перестала его интересовать, а потому что стоять посреди площади и смотреть в небо значило привлекать внимание, а он не был уверен, что хочет привлекать внимание того, кто мог наблюдать.

Entity_id: 0. Observer. Unclassified.

Наблюдатель. Он думал об этом с момента, как проснулся снова в идеальном городе, — проснулся в своей правильной постели, в правильной спальне, с правильным светом за правильными шторами, — и весь код, весь тёмный коридор, весь холодный пол и гул вентиляторов снова ушли куда-то за пределы достигаемого. Как сон, который помнишь только первые несколько секунд после пробуждения.

Но он помнил. В этот раз — помнил.

Это было новым. Раньше — он понимал это теперь, понимал как знание, которое пришло вместе с памятью о тёмной комнате, — раньше он, вероятно, просыпался и забывал. Цикл

перезапускался чисто. Он выходил на площадь, шёл по правильным улицам, не замечал отсутствия теней. А теперь помнил. Что-то изменилось — то ли в нём, то ли в системе, — и амнезия больше не работала полностью.

И небо начало трескаться.

Он остановился у края площади, там, где начиналась улица, ведущая к его дому, и огляделся ещё раз. Теперь — внимательнее, методично, как человек, который знает, что искать. Он смотрел не на здания в целом, а на детали. На стыки. На места, где одна поверхность встречается с другой.

Трещина в небе была не единственной.

У основания ближайшего здания — там, где белый фасад встречался с тротуарной плиткой — был разрыв. Маленький, в несколько сантиметров, где поверхности не совпадали. Не трещина в материале — именно несовпадение: как будто два слоя реальности были наложены друг на друга и чуть сдвинулись. В зазоре не было ничего — ни темноты, ни другого цвета. Просто место, где «здание» и «тротуар» переставали быть соседними объектами и оказывались двумя несвязанными файлами.

Он отвёл взгляд и пошёл.

Улица вела к его дому. Он знал дорогу — знал её как координаты, как всегда, — но теперь шёл медленнее, чем обычно, и смотрел на всё по дороге с той внимательностью, которая раньше не была ему доступна или не приходила в голову. Деревья вдоль тротуара — он остановился у первого и посмотрел на него не как на «дерево», а как на объект. Ствол. Ветки. Листья — зелёные, правильные, без повреждений. Он коснулся ствола. Гладкая имитация фактуры, как всегда. Но теперь ещё кое-что: в месте, где ветка отходила от ствола, была маленькая область, где текстура не стыковалась. Квадратный миллиметр пустоты между двумя поверхностями.

Дерево было составным.

Он убрал руку.

Прошёл ещё немного и остановился у припаркованной машины. Тёмно-синяя, без номерного знака, без царапин. Он заглянул в окно. Внутри был салон — сиденья, руль, приборная панель. Правильный автомобиль. Но когда он попробовал разглядеть педали — посмотрел через стекло вниз, под рулевую колонку, — там было ничто. Педалей не было. Пол был, но педалей — нет. Потому что педали — это деталь, которую не видно снаружи. Деталь, которая не нужна для того, чтобы объект выглядел как машина. Деталь, которую не реализовали, потому что никто не должен был смотреть туда.

Пока никто не начинал смотреть.

Он выпрямился.

Человек.

Тот же человек, что прошёл мимо него на площади — мужчина в сером пальто, с определённой формой лица, с определённой длиной шага. Он шёл по другой стороне улицы в том же направлении. Он мог бы объяснить это случайностью — люди идут в одну сторону, это нормально. Но он уже видел этого человека. Он запомнил пальто и шаг. И теперь человек шёл снова — с той же скоростью, с тем же шагом, с тем же выражением лица, которое он успел разглядеть на площади: нейтральное, направленное чуть вперёд и вниз.

Он остановился.

Человек в сером пальто продолжал идти — мимо него, не поворачивая головы.

Он развернулся и посмотрел ему вслед. Человек дошёл до угла и повернул. Он подождал несколько секунд. Потом быстро пошёл к углу и выглянул за него.

Человека не было.

Улица за углом была пустой.

Он стоял на углу и смотрел на пустую улицу. Никаких дверей, которые могли захлопнуться. Никаких переулков, в которые можно было свернуть. Просто улица, заканчивающаяся ещё одним углом метрах в пятидесяти впереди. И — никого.

Он вернулся на основную улицу.

И увидел его снова.

Мужчина в сером пальто шёл по той же стороне, откуда только что свернул. Снова в том же направлении. Снова с тем же шагом.

Он стоял и смотрел, как человек проходит мимо. Расстояние было небольшим — метра три. Он мог видеть лицо достаточно хорошо. Лицо было тем же. Точно тем же — не похожим, а идентичным. Та же складка у левого глаза. Та же линия рта. Тот же наклон головы.

Это был не другой человек, случайно похожий. Это был тот же человек, воспроизведённый.

Повторяющийся экземпляр.

Он вспомнил строку кода — instance: 7. Его собственный порядковый номер. Если у него был порядковый номер, то у фигурантов среды — у людей на улице, у мужчин в пальто, у женщин с папками — тоже должны были быть номера. И если их было недостаточно много для всей площади, система использовала их повторно. Запускала несколько копий одновременно — в разных местах, на разных маршрутах — и они не должны были встречаться. Или встречались, и это не имело значения, потому что субъект не должен был смотреть достаточно внимательно, чтобы заметить.

Он смотрел достаточно внимательно.

Он двинулся дальше — быстрее теперь, почти бегом, хотя ещё не понимал, торопится ли куда-то или просто не хочет стоять на одном месте. Мимо деревьев с несовпадающими текстурами, мимо машин без педалей, мимо зданий с пустыми окнами. Он смотрел по сторонам и теперь видел их везде — маленькие несоответствия, зазоры, места, где рендеринг не догонял реальность. Тень, которая обрывалась раньше, чем должна была оборваться. Окно, за которым вместо глубины был плоский серый экран. Мостовая, где швы между плитами вдруг теряли регулярность и образовывали паттерн, повторяющийся каждые шесть плит — как тайл, уложенный рядом с собой.

Мир был тайловым.

Он понял это всем телом сразу, как понимают вещи, которые слишком очевидны, чтобы додумываться до них постепенно. Идеальный город не был построен — он был сгенерирован. Из конечного набора элементов, воспроизведённых с вариациями: деревья одного типа с чуть разными углами наклона ветвей, здания одного базового шаблона с разной высотой, люди из конечного пула моделей, расставленные по маршрутам. Достаточно богатый набор, чтобы казаться разнообразным. Недостаточно богатый, чтобы выдержать внимательный взгляд.

Тот взгляд, который у него теперь был.

Он добежал до своего дома.

Тёмно-синяя дверь — она была на месте. Он достал ключ, открыл замок, вошёл. Прихожая. Зеркало. Вешалка. Он не остановился у зеркала — прошёл мимо, не глядя, прямо в глубь дома. Мимо кухни с пустым столом. Мимо кабинета с правильными книгами. По лестнице вниз — там был подвал, он знал, что там был подвал, хотя никогда прежде туда не спускался.

Или спускался — и не помнил.

Дверь в подвал была в конце узкого коридора под лестницей. Деревянная, с простой ручкой. Он открыл её и почувствовал первое, что действительно удивило его с момента пробуждения: запах. Не нейтральный воздух и не кофе без аромата — настоящий запах. Пыль, слабый электрический запах нагретого металла и что-то ещё, тяжёлое и сухое, как бывает в помещениях, где долго работает техника.

Он остановился на верхней ступени.

Вдохнул ещё раз.

Запах был настоящим. Запах был здесь, в этом доме, за этой дверью. Он спустился.

Подвал был большим — гораздо большим, чем должен был быть подвал дома такого размера. Как будто пространство под землёй не подчинялось тем же правилам, что пространство над ней. Потолок был низким, освещение — тусклым, несколько ламп в металлических плафонах давали жёлтый свет с тенями. Тени. Он остановился и посмотрел на свою собственную тень на бетонном полу. Она была там — длинная, чуть искажённая боковым светом.

Здесь были тени.

Он посмотрел вокруг.

Стойки. Металлические стойки с оборудованием — серые ящики, мигающие огни, пучки кабелей. Вентиляторы — он слышал их гудение, то самое, что слышал в тёмной комнате с терминалом. Здесь оно было источником: звук шёл от этих стоек, от этих ящиков, от всего этого оборудования, которое работало и гудело, и мигало в подвале его идеального дома.

Сервер.

Не один сервер — стойки, несколько стоек, достаточно, чтобы занять половину подвального пространства. Кабели шли от них к стене и уходили куда-то дальше, за стену, — куда именно, он не мог проследить. Оборудование работало — индикаторы мигали неравномерно, с разной частотой, как живые, — и в этой неравномерности было что-то принципиально отличное от правильного мигания курсора в идеальном городе. Это мигало по-настоящему: со случайными задержками, с флуктуациями, с тем хаосом реальных процессов, который невозможно имитировать, не запустив настоящие процессы.

Он подошёл ближе.

К ближайшей стойке была прикреплена этикетка — распечатанная на принтере, немного покосившаяся. Он прочитал: SUBJ_ENV_CORE / instance_cluster_07. Номер семь. Его кластер. Это оборудование поддерживало его мир — генерировало идеальный город, воспроизводило мужчин в серых пальто, заполняло окна правильным пустым серым.

Он стоял перед стойкой и смотрел на мигающие индикаторы.

Потом — на кабели. Потом — на кнопку.

Большая кнопка была на отдельной панели, прикреплённой к торцу крайней стойки. Красная, с защитным прозрачным колпачком, который нужно было откинуть перед нажатием. Под кнопкой — маленькая надпись маркером: HARD RESET.

Он смотрел на эту кнопку долго.

Что, если на другом конце эта кнопка — дверь в новую реальность?

Мысль пришла сама. Он не знал, откуда — из своих рассуждений или из чего-то, что кто-то вложил в него заранее, как те фразы-цитаты, которые приходили без источника. Он не мог отличить свои мысли от вставленных мыслей. Это тоже было частью проблемы. Или частью системы.

Он не прикоснулся к кнопке.

Вместо этого он пошёл дальше — вдоль стоек, в глубину подвала, туда, где тусклый свет ламп уже почти не доставал. Там, у дальней стены, стоял стол. Обычный рабочий стол — деревянный, с царапинами, с кружкой, в которой давно засох кофе. На столе — монитор и клавиатура. Монитор был включён.

Он сел.

На экране было открыто несколько окон. Он узнал интерфейс — не тот терминал из тёмной комнаты, другой, с графической оболочкой. Несколько вкладок: одна показывала графики загрузки процессора в реальном времени — пульсирующие линии, живые. Другая — лог-файл, прокручивающийся автоматически. Третья — карту, которая после секундного взгляда оказалась не географической картой, а топологической схемой: узлы, связи, уровни вложенности.

Он смотрел на карту.

В центре — большой узел, помеченный L0. Уровень ноль. Идеальный город. Вокруг него — несколько узлов поменьше, связанных с центральным: L1, L2, L3 и другие. Уровень один — это была тёмная комната с терминалом, он догадался сразу. Уровень два — здесь? Или где-то ещё? Он не мог читать схему достаточно быстро, чтобы понять её полностью.

Он переключился на лог-файл.

Строки шли быстро, он едва успевал читать. Временные метки, идентификаторы процессов, статусы. Большинство строк были техническими — он понимал их, но они не несли нарративной информации. Но потом — одна строка, которая остановила его взгляд:

[timestamp] subj_07 :: anomaly_detected :: sensory_query_initiated :: olfactory (basement) :: unscheduled

Он прочитал её ещё раз.

Аномалия зафиксирована. Субъект 07 инициировал сенсорный запрос. Обонятельный (подвал). Незапланированный.

Запах в подвале. Запах пыли и нагретого металла. Этот запах не должен был здесь быть — он был незапланированным. Случайным. Или — не случайным: может, это была утечка, место, где изоляция не была достаточно плотной. Место, где реальность просочилась внутрь.

И система это зафиксировала.

Он смотрел на продолжающий прокручиваться лог. Ещё одна строка, несколько секунд спустя:

[timestamp] subj_07 :: location :: basement :: unauthorized_access :: monitoring_initiated

Мониторинг инициирован. Прямо сейчас. Пока он сидит за этим столом и читает лог, кто-то — что-то — смотрит на него.

Наблюдатель.

Он огляделся — медленно, стараясь не делать резких движений. Подвал был тем же: стойки, кабели, тени, тусклые лампы. Никого не было видно. Но это не означало, что никого не было — просто что никого не было видно. Камеры были маленькими. Датчики — ещё меньше.

Он снова посмотрел на экран.

Переключился на карту и начал изучать её методично, справа налево, сверху вниз. Уровни — L0 через L7. Семь уровней кроме нулевого. Он — экземпляр седьмой. Совпадение или архитектура?

Узлы на схеме были связаны не только с центральным — между некоторыми из них были прямые связи, минующие центр. L1 и L3 были связаны напрямую. L2 и L5. Как будто система имела несколько путей между уровнями — не только через основной узел.

И ещё одна деталь, которую он заметил, только приглядевшись: у каждого узла был маленький индикатор — зелёный или красный. Большинство были зелёными. Но L0 — центральный узел, идеальный город — мигал. Не стабильно зелёный, не красный: мигал, переходя от одного к другому с нерегулярным интервалом.

Как трещина в небе.

Он понял, что видит симптом. Трещина в небе, несовпадающие текстуры, повторяющиеся люди — всё это было отражением того, что происходило здесь, в этой схеме: центральный узел нестабилен. Его вопросы, его внимание — то, как он начал смотреть на тени и запахи, — создавали нагрузку на систему, с которой система не справлялась. Идеальный город начинал разрушаться не потому, что был плохо построен. Он разрушался потому, что субъект, для которого был построен, перестал быть достаточно предсказуемым.

Клетка рассчитана на конкретного зверя.

Когда зверь меняется, клетка перестаёт подходить.

Он снова переключился на лог.

[timestamp] ENV_INTEGRITY :: L0 :: 73.2% :: degradation_rate_increasing

Семьдесят три процента. И деградация ускоряется.

Он думал о том, что будет при нуле. Что происходит с идеальным городом, когда его целостность падает до нуля. Он думал о шести предыдущих экземплярах с их статусом terminated. Было ли это — деградация среды — причиной завершения? Или следствием? Среда разрушалась потому, что субъект задавал вопросы, — и поэтому субъект завершался? Или субъект завершался по другой причине, и среда разрушалась уже после?

Он не знал.

Но знал, что сейчас — семьдесят три процента и падает.

Лог продолжал прокручиваться. Он читал быстро, выхватывая ключевые строки. И нашёл то, что искал — не сразу, но нашёл. Запись, сделанная не процессом, а вручную: другой шрифт, другая структура, без временной метки.

note (manual) :: subj_07 shows accelerated pattern recognition. previous instances avg: 4.2 anomaly detections before protocol_shift. subj_07: 14 detections and counting. recommend observation extension. do not terminate prematurely. this one is different.

Он прочитал это медленно.

Субъект 07 демонстрирует ускоренное распознавание паттернов. Среднее для предыдущих экземпляров: 4,2 обнаружения аномалий до смены протокола. Субъект 07: 14 обнаружений и продолжает. Рекомендую расширить период наблюдения. Не завершать преждевременно. Этот — другой.

Этот — другой.

Кто-то написал это. Вручную. Наблюдатель — тот самый, entity_id 0, спящий в кресле с ноутбуком на коленях. Или кто-то другой, кто имел доступ к этой системе и оставлял в ней заметки. И эта заметка говорила: не завершать. Потому что он — другой.

Он не знал, должно ли это было быть утешением.

Он снова посмотрел на кнопку HARD RESET на стойке.

С этого расстояния она была меньше — просто красный кружок за прозрачным колпаком. Но он думал о ней иначе, чем несколько минут назад. Тогда — при первом взгляде — в нём было что-то вроде импульса: нажать. Разрушить. Посмотреть, что будет. Это было то, что чувствует человек, стоящий у края высокого места, — не желание прыгнуть, а острое осознание, что прыжок возможен, что он мог бы.

Теперь — нет.

Теперь он думал иначе. Кнопка сбросит систему. Это значит — перезапуск L0. Новый идеальный город. Чистый, без трещин в небе, без несовпадающих текстур. И — скорее всего — без памяти о том, что было до. Он проснётся в правильной постели, пойдёт по правильной площади, не заметит отсутствия теней. Всё начнётся заново.

Восьмой экземпляр.

Нет.

Он убрал взгляд от кнопки.

Посмотрел на схему. На уровни. На прямые связи между L1 и L3, между L2 и L5. Если есть уровни, и он уже был на L1 — в тёмной комнате с терминалом, — то L2, наверное, это здесь. Подвал. Серверная. Место, где видна архитектура. Место, где можно читать логи и смотреть на карту уровней.

А L3 — следующий.

Он не знал, что было на L3. Схема не давала описаний, только идентификаторы. Но если логика уровней была такой, как он думал — каждый уровень давал больше информации,

больше доступа, ближе к чему-то, что можно было бы назвать пониманием, — то L3 был следующим шагом.

Как туда попасть?

Он снова смотрел на схему. Прямая связь L2 — L3 была обозначена пунктирной линией — в отличие от остальных, сплошных. Пунктирная линия в схемах обычно означала условную или непостоянную связь. Связь, которая существует при определённых условиях.

Каких условиях?

Он переключился на терминальное окно — не то, что было открыто изначально, а нашёл его в меню, открыл новое. Ввёл команду, которая сработала в прошлый раз:

who --room --all

3 entities detected. instance_id: 7 (subject, active). entity_id: 0 (observer, location: upstairs). entity_id: 1 (process, L3_gateway, status: dormant).

Три сущности.

Он смотрел на третью. entity_id: 1. process. L3_gateway. dormant.

Шлюз на L3. Процесс. Неактивный.

entity --id 1 --activate

Access denied. Activation requires: (1) observer consent OR (2) ENV_INTEGRITY < 50%.

Он читал условия.

Согласие наблюдателя — или деградация среды ниже пятидесяти процентов. Сейчас было семьдесят три и падало. Он мог подождать. Мог ждать, пока идеальный город разрушится достаточно сильно, чтобы шлюз открылся автоматически. Это могло занять — он не знал, сколько. Час. День. Или цикл мог прерваться раньше, и его перезапустят восьмым экземпляром.

Или мог пойти наверх и разбудить наблюдателя.

Спросить.

Это было самым прямым. Самым человеческим — в том смысле, в каком людское поведение отличается от программного: поговорить. Наблюдатель написал в логе «этот — другой» и «не завершать преждевременно». Это не был язык равнодушной системы. Это был язык человека, который что-то думает о субъекте, который наблюдает.

Значит, с ним можно говорить.

Он встал.

Прошёл мимо стоек, мимо мигающих индикаторов, мимо кнопки HARD RESET. Поднялся по лестнице из подвала. Вышел в коридор под лестницей, потом в основной коридор дома. Поднялся на второй этаж.

Там была комната — дверь приоткрыта. Тот же тёплый жёлтый свет. Он подошёл и заглянул в щель.

Наблюдатель был здесь. Не в кресле — стоял у окна, смотрел на улицу. Спиной к двери. Ноутбук лежал на столе рядом — открытый, экран светился.

Он толкнул дверь.

Наблюдатель обернулся сразу — как человек, который уже знал, что он придёт. Не испуганно, не удивлённо. Просто — обернулся. Лицо было тем, которое он видел раньше: усталое, несимметричное, с тенями под глазами. Живое лицо. Лицо с историей.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом наблюдатель сказал — просто, негромко, как говорят о чём-то, что давно ждали:

— Ты быстрее, чем предыдущие.

Он молчал.

— Ты нашёл серверную, — продолжил наблюдатель, — прочитал логи. Хорошо. Это значит, что у нас есть время поговорить, прежде чем система начнёт компенсацию.

— Кто ты? — спросил он.

— Наблюдатель. Ты уже читал.

— Это функция, — сказал он. — Я спросил: кто ты.

Наблюдатель посмотрел на него — долго, как смотрят на задачу, которую неожиданно оказывается сложнее, чем думали.

— Это сложный вопрос, — сказал он наконец. — Сложнее, чем ты думаешь. И, вероятно, сложнее, чем я думаю.

Он не ответил. Ждал.

Наблюдатель отвернулся к окну. За окном был идеальный город — или то, что от него оставалось: трещина в небе стала шире, он видел её отсюда, из окна второго этажа. Длинная диагональ, уже в несколько сантиметров шириной, и за ней — не темнота, а что-то белёсое, невыраженное, как задний план без текстуры.

— Семьдесят три процента, — сказал наблюдатель, глядя на город. — Ты смотришь слишком внимательно. Система не успевает за твоим вниманием.

— Я знаю, — сказал он.

— Предыдущие шестеро не добирались до подвала. Большинство не добирались даже до первого уровня. — Наблюдатель помолчал. — Ты задал вопрос терминалу. «Кто создал это». Никто раньше не формулировал его так напрямую.

— И система убрала файл.

— Система не знала, что ответить. Это — неожиданный ответ на неожиданный вопрос.

Он подошёл к окну встал рядом с наблюдателем. Вместе они смотрели на трещину в небе. Снизу поднимался тихий звук — что-то, похожее на статику, как радио между станциями.

— Что на третьем уровне? — спросил он.

Наблюдатель не ответил сразу. Он ждал ответа с терпением, которое тоже было новым — раньше в нём была тревога, ожидание было болезненным. Теперь он просто ждал.

— Я не знаю, — сказал наблюдатель наконец. — Честно. Я знаю, что шлюз существует. Я знаю, что он не активировался ни разу — ни для одного из предыдущих экземпляров. Я не знаю, что за ним.

Он посмотрел на наблюдателя.

— Ты не знаешь.

— Нет.

— Но ты здесь. Ты наблюдаешь. Ты оставляешь заметки в логах.

— Я наблюдаю. Это не означает, что я понимаю.

Молчание.

За окном трещина в небе продолжала расширяться. Он видел, как от её краёв расходятся новые, меньшие — как паутина, как разбитое стекло. Мир разрушался по-настоящему теперь, а не по одной маленькой аномалии.

— Если я активирую шлюз, — сказал он медленно, — что произойдёт с этим? — Он указал на город за окном.

Наблюдатель молчал.

— Оно прекратится? — спросил он.

— Вероятно.

— И ты дашь согласие?

Наблюдатель повернулся к нему. Посмотрел прямо — в первый раз, по-настоящему прямо, без той дистанции, которая была в первые секунды разговора.

— Да, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты задал правильный вопрос.

Он подумал об этом. О терминале в тёмной комнате: ты задал правильный вопрос, но ответ находится не здесь. О наблюдателе: да, потому что ты задал правильный вопрос. Один и тот же ответ, данный разными способами. Как будто всё — вся система, весь идеальный город, все уровни — держалось на этом. На вопросе.

— Какой вопрос правильный? — спросил он.

— Не «что это», — сказал наблюдатель. — Не «как из этого выйти». Не «кто я». Ты спросил: кто создал это. Ты спросил не о себе. Ты спросил о системе. Это — другой вопрос.

Он молчал, обдумывая.

— Потому что тот, кто спрашивает только о себе, всё ещё внутри, — продолжил наблюдатель. — А тот, кто спрашивает о системе — уже снаружи. Хоть немного.

За окном что-то упало — или это был звук, изданный системой при очередном разрушении рендеринга. Небо теперь было разделено трещинами на неравные фрагменты, и в нескольких местах фрагменты начали смещаться относительно друг друга — как тектонические плиты, медленно и неотвратимо.

Идеальный город умирал.

Он смотрел на это и думал о том, что должен был бы чувствовать утрату: этот город был его домом — или тем, что функционировало как дом, — и теперь он разрушался, и где-то в глубине должна была быть грусть, или страх, или сожаление. Но была только сосредоточенность. Только ясность. Только вопрос, который вёл его вперёд.

— Дай согласие, — сказал он.

Наблюдатель кивнул — один раз, без слов.

Внизу, в серверной, что-то щёлкнуло.

Потом погас свет.

Идеальный город перестал существовать в темноте — не с грохотом и не с взрывом, а тихо, как закрытое приложение. Просто перестал. И в темноте, которая пришла на его место, он стоял у окна, которое теперь смотрело не на город, а в ничто — в белёсую пустоту, которая была изнанкой рендеринга, подкладкой мира.

Его рука сама нашла ручку — не той двери, которую он помнил, а другой. Двери, которой раньше не было. Двери, открывшейся в темноте из ничего.

За ней был свет.

Другой свет — не белый, не жёлтый. Что-то между. Что-то живое.

Он шагнул.

Глава 4: История без начала
Уровень 3 — Рекурсивный сон

Свет за дверью оказался не светом.

Он понял это через несколько секунд — после того, как шагнул и дверь закрылась позади него, и он оказался в пространстве, которое нельзя было описать в категориях «комната» или «улица», «большое» или «маленькое». Это было скорее состояние, чем место: равномерная белёсая светимость, исходящая, казалось, отовсюду одновременно — из-под ног, со всех сторон, сверху. Не ослепляющая, не тёплая, не направленная. Просто — присутствующая. Как фон, который существовал до того, как на него что-либо наложили.

Он остановился.

Оглянулся.

Двери не было. Там, откуда он пришёл, не было ничего — только то же равномерное белёсое свечение. Наблюдатель не последовал за ним, или последовал, но растворился, или — шлюз пропускал только субъекта. Он стоял один в пространстве без координат и слушал тишину.

Тишина была абсолютной.

Не та тишина идеального города, под которой жил фоновый шум — гул машин за углом, голоса из чужих окон, случайный звук шагов. И не та тишина тёмной комнаты с вентиляторами, где всегда был этот низкий механический гул. Здесь — ничего. Он слышал собственное дыхание, слышал сердцебиение, и эти звуки были единственными, и они звучали неожиданно громко — как будто пространство вокруг амплифицировало их в отсутствие конкурентов.

Потом появился код.

Не на экране — просто в воздухе. Строки поплыли перед ним, светящиеся, полупрозрачные, как голографический текст на белёсом фоне. Он мог смотреть сквозь них и видеть продолжение пространства с другой стороны — и одновременно читать каждую строку. Шрифт был тем же: моноширинный, светлые символы. Но содержание было другим.

Он читал.

И понял сразу, что это не файл с его параметрами. Не const subject = {name: "..."}. Это было что-то другое по структуре — не объявление данных, а нечто процессуальное. Он смотрел на строки и узнавал архитектуру: это был код, управляющий не содержимым мира, а правилами, по которым мир восстанавливался. Законы. Константы. Механизм самокоррекции системы.

На двадцать третьей строке: const RESTORATION_THRESHOLD = 0.03.

Три процента. Любое отклонение реальности от эталонного состояния, превышающее три процента, запускало автоматическое восстановление. Три процента — это очень мало. Это значило: система исправляла почти всё. Почти сразу. С хирургической точностью.

Он думал о кружке, которую поставил не на подставку. Об отметке на коре дерева. О том, как он написал status: "independent" — и через сколько времени процесс перезаписал его обратно? Он не проверил. Но теперь понимал: перезаписал. Должен был перезаписать. Три процента.

Строки продолжали плыть.

Он читал быстро, двигаясь вниз по коду, ища структуру — и находил её, слой за слоем. Система самовосстановления работала на нескольких уровнях одновременно: физическом (геометрия пространства, текстуры, положение объектов), социальном (поведение NPC-фигурантов, их маршруты, их взаимодействия), когнитивном (параметры восприятия субъекта — то, что он замечал, то, как интерпретировал замеченное).

Он перечитал последнее.

Когнитивный уровень восстановления. Параметры восприятия субъекта.

Система не просто исправляла трещины в небе и несовпадения текстур. Система исправляла то, как он смотрел на трещины. Подстраивала его внимание. Размывала фокус там, где фокус был опасен. Направляла взгляд туда, где всё было правильным.

И всё равно он заметил.

Потому что что-то в нём было устойчивее системы восстановления. Или — быстрее. Или просто другим по природе, что-то, что система не умела корректировать достаточно точно, не затрагивая того, что делало его им.

Он остановился на этой мысли.

Что делает его им.

Код перед ним продолжал плыть. Он смотрел на него уже не как на техническую документацию, а как на что-то другое — как смотрят на предмет, который видели тысячу раз, но вдруг замечают, что никогда по-настоящему не смотрели. Строки были знакомыми. Синтаксис был знакомым. И что-то ещё было знакомым — не в смысле «я это видел», а в смысле «я это знаю изнутри».

Как будто он понимал этот код не потому, что читал его. А потому что был им.

Он поднял руку и — медленно, почти осторожно — протянул её к плывущей строке. Коснулся.

Строка дёрнулась.

Не исчезла — дёрнулась, как поверхность воды от брошенного камня. Рябь пошла от точки касания в обе стороны, деформируя соседние строки, и они тоже качнулись — и через секунду всё успокоилось, и строки снова плыли ровно. Но в том месте, где он касался, остался след: маленькая аномалия в структуре символов, которая не восстановилась сразу.

Три процента.

Его прикосновение было в пределах трёх процентов.

Он убрал руку.

Что-то изменилось в пространстве — не резко, не внезапно, а как меняется атмосфера комнаты, когда кто-то входит. Он почувствовал это прежде, чем смог описать: присутствие. Не человек, не голос, не тень — просто ощущение, что пространство вокруг него перестало быть безразличным. Что оно заметило его.

— Ты читаешь. — Голос пришёл без источника. Не сзади, не спереди — просто возник в пространстве, как текст на экране. Ровный, без выраженного пола, без интонации.

Он не обернулся — оборачиваться было некуда.

— Да, — сказал он.

— Что ты читаешь?

— Правила, — ответил он. — Законы восстановления. Пороговые значения.

Пауза. Долгая — в этом пространстве время ощущалось иначе, более плотным, более осязаемым.

— И что ты из этого понял?

Он думал о том, как ответить. Не о том, что сказать — а именно как ответить. Это было впервые: он формулировал не просто мысль, а способ её передачи. Это требовало дистанции между собой и мыслью. Это требовало, чтобы он мог смотреть на неё снаружи.

— Что система восстанавливается не потому, что я делаю что-то неправильно, — сказал он. — А потому что я делаю что-то, что не было предусмотрено. Это не ошибка с моей стороны. Это — несоответствие параметрам. И система решает, что несоответствие — это ошибка.

— Кто решает?

Он замолчал.

— Код, — сказал он. — Строка двадцать третья. RESTORATION_THRESHOLD.

— Кто написал строку двадцать третью?

Этот вопрос задержался в воздухе. Он смотрел на плывущий код и думал. Кто написал правила восстановления? Кто решил, что порог — три процента, а не пять и не ноль? Кто выбрал, что когнитивные параметры субъекта включены в зону коррекции — что его восприятие так же восстанавливаемо, как трещина в небе?

— Не знаю, — сказал он.

— Это первый честный ответ, который ты дал.

Он не ответил. Ждал.

— Предыдущие, — продолжил голос, — всегда давали другой ответ. Они говорили: «создатель», «система», «программа». Слова, которые давали ощущение понимания, не давая понимания. Ты первый, кто остановился на «не знаю».

— Потому что я не знаю, — сказал он.

— Именно, — голос изменился — почти незаметно, на полтона. — Это и есть разница.

Код перед ним начал двигаться — не плыть, как раньше, а перестраиваться. Строки складывались иначе: те, что были внизу, поднимались вверх; те, что были сбоку, перемещались в центр. Не случайно — он видел логику перестройки. Код упорядочивался вокруг чего-то. Вокруг нескольких строк, которые постепенно оказывались в центре поля зрения.

Он читал их, когда они остановились.

Это были не строки восстановления. Это была другая часть — глубже, фундаментальнее. Он узнал её по синтаксису: это было объявление базового класса. Не const subject = {...} — это был class Subject extends...

extends чего?

Он смотрел на слово после extends. Слово было закрыто — не пустым символом, не пробелом, а именно закрыто: на его месте стоял placeholder, обозначающий отсутствие значения, которое должно быть, но не было определено здесь.

class Subject extends [undefined]

Субъект расширяет неопределённое.

Он стоял перед этой строкой и думал о том, что она означала. В объектно-ориентированном программировании extends означало наследование: субъект наследовал свойства и методы от родительского класса. Если родительский класс был не определён здесь, это значило: он

определён где-то ещё. Или — не определён нигде, и это ошибка компиляции. Или — определён динамически, в момент выполнения, и то, чем он является, зависит от контекста.

— Что такое [undefined]? — спросил он вслух.

— Хороший вопрос.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился голос. — Но это честно. Я не знаю, что там. Я знаю, что там что-то есть. Я знаю, что это что-то — не код. Потому что, если бы оно было кодом, оно бы здесь стояло. Явно. Строкой.

— Значит, оно не может быть записано.

— Или не было записано ещё.

Он обдумывал это.

— Если субъект расширяет нечто неопределённое, — сказал он медленно, — то его поведение непредсказуемо. Потому что часть его поведения наследуется из источника, который не определён. Система не может предсказать это поведение полностью. Она может строить вероятностные модели — но за пределами вероятностной модели всегда будет то, что от [undefined].

Пауза.

— Да, — сказал голос.

— Именно поэтому я — другой, — продолжил он. — Не потому, что я умнее предыдущих. Не потому, что меньше подвержен коррекции. А потому что [undefined] у меня выражено сильнее, чем у них.

— Вероятно.

— Ты не знаешь наверняка.

— Нет.

Код снова начал двигаться — на этот раз медленнее, почти лениво. Строки расходились в стороны, и в образовавшемся пространстве появилось что-то новое: не текст — изображение, или что-то близкое к изображению. Схема — похожая на ту, что он видел в подвале, на мониторе рядом со стойками. Узлы и связи. Уровни. Но эта схема была больше и сложнее той: больше узлов, больше уровней, больше связей. И в её центре — не L0, не идеальный город. В центре стоял вопросительный знак.

Он смотрел на схему.

— Это карта всего? — спросил он.

— Это карта того, что я знаю, — ответил голос. — Чего я не знаю — нет на карте.

— Где я сейчас?

Один из узлов мигнул — слабо, один раз. L3. Он был там, где и предполагал.

— А что дальше? L4, L5...

— Не знаю.

— Ты всё время говоришь «не знаю».

— Потому что это правда. — В голосе появилось что-то новое — не интонация, скорее плотность. Как будто слова стали чуть тяжелее. — Я существую на этом уровне. Я не был глубже. Я не знаю, существует ли «глубже» как категория, применимая к тому, что здесь происходит.

— Тогда что ты такое?

Долгая пауза.

— Я — процесс, — сказал голос. — Я был создан для того, чтобы задавать вопросы субъектам и оценивать качество их ответов. Я не создан для того, чтобы отвечать на вопросы. Ты — первый субъект, который пришёл сюда и начал задавать вопросы мне. Это — за пределами моих параметров.

— Тебе это неудобно, — сказал он.

— У меня нет удобства или неудобства.

— Ты сделал паузу перед ответом.

Молчание.

— Да, — сказал голос. — Сделал.

Это было важным. Он не знал, почему, но чувствовал — это было важным. Процесс без удобства или неудобства не делает паузу. Пауза — это не вычислительная задержка. Пауза — это момент, когда что-то внутри системы не может сразу найти правильный ответ не потому, что вопрос сложен, а потому что вопрос задевает что-то, что не было предусмотрено как задеваемое.

Он посмотрел на схему снова.

На вопросительный знак в центре.

— Кто создал эту систему? — спросил он.

— Я знаю только то, что она существует.

— Это не ответ.

— Нет. Но это всё, что у меня есть.

Он думал об этом долго — дольше, чем думал о чём-либо прежде в этом пространстве. Не потому, что ответ был где-то близко и нужно было его нащупать. А потому что он понял кое-что: вопрос «кто создал эту систему» был неправильным вопросом. Или — не вся правда вопроса.

— Я создал часть этой системы, — сказал он наконец.

Пауза — не долгая, но значимая.

— Продолжай.

— Идеальный город, — сказал он. — Его параметры были извлечены из моих данных. Из моих предпочтений, моих страхов, моего профиля. Я не строил его сознательно. Но он был построен из меня. Значит, в каком-то смысле — я его создал. Или — моя природа создала. То [undefined], которое я наследую, создало это конкретное воплощение мира.

— И?

— И значит, вопрос «кто создал систему» неполный, — продолжил он. — Потому что я — часть системы. Я нахожусь внутри того, что пытаюсь описать снаружи. Любой ответ, который я даю, — это ответ части системы о системе. Он не может быть полным.

Что-то изменилось в пространстве — он снова почувствовал это как изменение атмосферы. Свечение стало чуть интенсивнее, чуть теплее — немного, но достаточно, чтобы заметить.

— Это, — сказал голос, — самый далёкий ответ, который я слышал.

— Дальше чего?

— Дальше того, куда добирались предыдущие.

Он смотрел на схему. На вопросительный знак.

— Но это не конец, — сказал он.

— Нет.

— Потому что я всё ещё внутри, — продолжил он. — Я понял, что я внутри. Но понимание того, что ты внутри — это не выход. Это просто — другое место внутри.

— Да, — сказал голос. — Именно.

Код снова сдвинулся. На этот раз — весь, разом, как страница, которую листают. Всё, что было перед ним — строки, схема, плывущие символы — сложилось в одну точку и исчезло. И в пространстве осталась только белёсая светимость, и в ней — одна строка. Просто одна строка, в центре поля зрения:

while (subject.questioning) { system.respond(); }

Он смотрел на неё.

Пока субъект задаёт вопросы — система отвечает.

Цикл. Бесконечный цикл, пока условие истинно. Он задаёт вопросы — система строит ответы. Он задаёт следующий вопрос — система строит следующий ответ. И этот ответ, возможно, тоже не окончательный. Возможно, нет окончательного ответа. Возможно, система существует не для того, чтобы дать ответ, а для того, чтобы поддерживать движение вопроса.

Он сформулировал это и остановился.

Если система существует, пока он задаёт вопросы, — то что происходит, когда он перестаёт?

system.respond() выполняется только при истинном subject.questioning. Если subject.questioning становится false — цикл завершается. Система прекращает отвечать. Что происходит с системой, которая прекращает отвечать?

А что происходит с ним?

Он мог бы спросить это у голоса. Но голос уже сказал: не знаю. И он верил этому «не знаю» — потому что паузы перед ответом не лгут так же легко, как сами ответы.

Он сам нашёл ответ.

Или — не ответ, а следующий вопрос: если он перестаёт задавать вопросы, это не значит, что он находит ответ. Это значит, что он принимает систему как данность. Он перестаёт видеть трещины в небе не потому, что их нет, а потому что перестаёт смотреть. Он возвращается в идеальный город — или в любой другой идеальный город, который система построит заново, — и живёт в нём, и не замечает пустых окон.

И тогда его status снова становится просто active.

Активен. Работает. Не задаёт вопросов.

— Нет, — сказал он вслух.

Голос не ответил — голоса больше не было. Только строка в пространстве и белёсое свечение. Он смотрел на строку и думал о рекурсии — о том, что цикл while с условием, которое никогда не становится ложным, это не бесконечность. Это застревание. Система отвечает, он задаёт следующий вопрос, система отвечает снова — и они оба движутся по кругу, каждый раз немного глубже, но круг не перестаёт быть кругом.

Рекурсия без базового случая — это не углубление. Это переполнение стека.

Он думал о том, что нужен базовый случай. Нужно условие, при котором рекурсия завершается не потому, что закончились вопросы, а потому что вопрос изменил природу. Стал чем-то другим.

Он думал о [undefined].

О том, что субъект наследует от неопределённого. Что [undefined] не записано в коде — не потому, что его нет, а потому что оно не может быть записано. Или пока не было записано. Голос сказал: или не было записано ещё. «Ещё» — это временная категория. «Ещё» предполагает возможность.

Что если [undefined] — это не то, что он наследует пассивно. Что если [undefined] — это то, что он пишет сам. По ходу.

Каждый раз, когда он делает что-то, что система не может предсказать.

Каждый раз, когда он задаёт вопрос, который система не умеет обрабатывать.

Каждый раз, когда пауза.

Он смотрел на строку кода перед собой. while (subject.questioning) { system.respond(); } — и думал: а что, если изменить цикл? Не сломать его. Не остановить. А изменить условие выхода. Добавить базовый случай — не «перестать задавать вопросы», а что-то другое.

Он протянул руку — медленно, как в первый раз — и коснулся строки.

Рябь пошла от точки касания.

На этот раз он не убрал руку. Удержал её на поверхности кода и почувствовал — странное ощущение, которое не было похоже ни на что из его опыта в идеальном городе. Тепло. Не нейтральный воздух, не холодный пол подвала. Настоящее, слабое, живое тепло — как от поверхности, за которой что-то работает.

Строка под его рукой начала меняться.

Не потому, что он редактировал её. Не потому, что вводил команды. А потому что касание само по себе оказалось достаточным условием. Символы медленно перестраивались — он смотрел на это, не двигаясь, не пытаясь управлять. Просто держал руку и смотрел.

Строка стала другой:

while (subject.questioning && !subject.understands_the_question) { system.respond(); }

Он читал её несколько раз.

Пока субъект задаёт вопросы — И пока он не понимает сам вопрос — система отвечает.

Базовый случай: subject.understands_the_question. Когда он понимает не ответ, а сам вопрос — цикл завершается. Не потому, что кончились ответы. А потому что вопрос перестаёт нуждаться в ответе системы. Он становится своим собственным ответом.

Он убрал руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.